

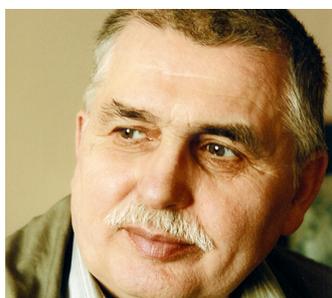
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РФ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.718

Динамика численности населения приоритетных геостратегических территорий России в 2010–2018 гг.

Ссылка для цитирования: Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Динамика численности населения приоритетных геостратегических территорий России в 2010–18 гг. // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 123–142. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.718

For citation: Patsiorkovsky V. V., Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Population dynamics of priority geostrategic Territories of Russia in 2010–2018. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 123–142. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.718

**Пациорковский
Валерий Валентинович¹**

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

patsv@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 71701

**Симагин
Юрий Алексеевич¹**

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

yas63@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 76033

**Муртузалиева
Джамиля Джавидовна¹**

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

djama76@list.ru

AuthorID РИНЦ: 500138

Аннотация. В статье представлен анализ динамики численности населения приоритетных геостратегических территорий Российской Федерации. Они выделены в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» как территории, имеющие особое значение для развития страны в целом и отличающиеся при этом особыми условиями жизнедеятельности населения и функционирования экономики вследствие

своего географического положения. Динамика численности населения для таких территорий является одновременно и фактором, определяющим социально-экономическое развитие, и показателем, характеризующим результативность этого развития. Отдельное значение при этом имеют составляющие динамики численности населения – естественный прирост и миграционные потоки. В статье описаны все четыре группы приоритетных геостратегических территорий России – обособленные от основной территории страны (эксклавы), расположенные на Северном Кавказе и Дальнем Востоке, в Арктической зоне Российской Федерации. Для каждой группы выявлены тенденции динамики численности населения с момента переписи 2010 г. с учётом составляющих – естественного прироста и миграций. Выявлена разнонаправленность основных демографических процессов на приоритетных геостратегических территориях страны – естественный прирост сочетается с миграционным оттоком населения, а миграционный приток – с естественной убылью. При этом на эксклавных и северокавказских территориях численность населения растёт, а на дальневосточных и арктических – сокращается. Показаны особенности как групп приоритетных геостратегических территорий по сравнению с Россией в целом, так и отдельных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований внутри групп территорий. Последнее стало возможным за счёт использования базы данных «Муниципальная Россия», в которой обобщена демографическая статистика по всем городским округам и муниципальным районам страны, в том числе расположенным на приоритетных геостратегических территориях. В результате проведённого анализа динамики численности населения выявлены направления, которые могут привести к улучшению демографической ситуации на приоритетных геостратегических территориях страны, и, соответственно, будут способствовать социально-экономическому развитию не только этих территорий, но и всей Российской Федерации.

Ключевые слова: приоритетные геостратегические территории, динамика численности населения, миграции и естественное движение населения, эксклавы, Северный Кавказ, Дальний Восток, Арктическая зона России

В феврале 2019 г. Правительством России утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия)¹. В ней выделены два типа территорий: 1) «перспективный центр экономического роста» – территория одного или нескольких муниципальных образований и (или) акватория, обладающие потенциалом для обеспечения значительного вклада в экономический рост Российской Федерации и/или её субъекта; 2) «геостратегическая территория Российской Федерации» – территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности. В свою очередь геостратегические территории разделены на приоритетные и приграничные.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 20.02.2020).

Проблематика перспективных центров экономического роста и приграничных геостратегических территорий представляет собой самостоятельный объект изучения, который в данной работе не рассматривается. Цель исследования – идентифицировать приоритетные геостратегические территории и показать их роль в демографическом развитии страны в 2010–18 гг. Как показано ниже, в обсуждаемом документе приоритетные геостратегические территории представлены на довольно высоком уровне обобщения, а именно: субъектами Российской Федерации. Конкретизация их представления предполагает переход на более низкий уровень обобщения – муниципальные образования (МО). Базовая гипотеза исследования формулируется следующим образом: приоритетные геостратегические территории в демографическом плане представляют собой довольно пёстрое явление, требующее различных социально-экономических мер для поддержания численности населения. В качестве объекта исследования взяты МО верхнего уровня – городские округа (ГО) и муниципальные районы (МР), находящиеся на геостратегических территориях. В роли основного источника первичной информации и одновременно инструмента исследования и анализа используется база данных «Муниципальная Россия»¹, в которую внесены данные (в основном демографического характера) по всем ГО и МР страны – 2353 единицы по состоянию на начало 2019 г.

Приоритетные геостратегические территории России

К приоритетным геостратегическим территориям относятся четыре группы субъектов Российской Федерации:

1. Эксклавные территории: Республика Крым, город Севастополь, Калининградская область.
2. Расположенные на Северном Кавказе: республики Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия–Алания, Чеченская и Ставропольский край.
3. Находящиеся на Дальнем Востоке: республики Бурятия и Саха (Якутия), края Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский, области Амурская, Еврейская автономная, Магаданская, Сахалинская и Чукотский автономный округ.
4. Входящие в Арктическую зону в соответствии с Указом Президента России «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»². В соответствии с этим указом к рассматрива-

¹ База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели Папирковский В. В., Коленникова О. А., Симагин Ю. А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014.

² Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4d8e8206d56fc949d.pdf> (дата обращения: 26.02.2020).

емой категории территорий отнесены: Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, территория муниципального образования городского округа «Воркута» в Республике Коми, семь МО Архангельской области, ГО Норильск, МР Таймырский и Туруханский Красноярского края, пять улусов (МР) Республики Саха (Якутия).

Здесь следует отметить, что между упомянутым Указом и непосредственно Стратегией имеются некоторые расхождения. В Стратегии в состав Арктической зоны дополнительно включены три приморских МР Республики Карелия, а именно: Беломорский, Кемский и Лоухский. Более того, в мае 2019 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации¹, в соответствии с которым в состав Арктической зоны дополнительно включены ещё 8 улусов Республики Саха (Якутия). «Глава государства включил в состав сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации восемь районов Якутии – Абыйский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Оленёкский, Среднеколымский и Эвено-Бытантайский улусы, которые полностью или частично находятся за Полярным кругом. Ранее в состав Арктической зоны Российской Федерации входили только пять из тринадцати арктических районов республики – Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский и Усть-Янский. Включение этих территорий в состав Арктической зоны позволит распространить на них действие программ по развитию Арктики»².

В настоящее время приоритетные геостратегические территории включают в себя 468 ГО и МР (19,9% всех МО верхнего уровня в стране) в 29 субъектах Российской Федерации. В 2018 г. в них проживало 23,6 млн человек или 16,1% населения страны. В таблице 1 представлены характеристики четырёх групп приоритетных геостратегических территорий страны. Выполненные расчёты не содержат повторный счёт, т. к. МО Чукотского АО и Республики Саха (Якутии), которые относятся к Арктической зоне, были исключены из подсчётов по Дальнему Востоку, хоть они и входят в состав Дальневосточного федерального округа. На рисунке 1 показан общий контур приоритетных геостратегических территорий на карте России.

Из данных таблицы видно, что среди приоритетных геостратегических территорий самая низкая численность населения характерна для Арктической зоны. При общей плотности населения этой зоны в среднем около 1 человека на 2 км² (в 15 раз меньше среднероссийской), плотность населения в сельской местности составляет всего около 1 человека на 20 км², а городские агломерации

¹ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 220 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905130027?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 06.03.2020).

² Все арктические улусы Якутии включены в состав Арктической зоны РФ. URL: https://minvr.ru/press-center/news/22000/?sphrase_id=1098719 (дата обращения: 06.03.2020).

практически отсутствуют. Изолированность и ограниченность постоянных автомобильных или железнодорожных транспортных связей – характерная черта основной части указанных территориальных образований.

Таблица 1 (Table 1)

Группы приоритетных геостратегических территорий России в 2018 г.

Groups of priority geostrategic territories of Russia in 2018

Приоритетные геостратегические территории	Число субъектов РФ	Число МО	Население, млн человек	Доля городского населения, %	Естественный прирост в 2016 г., %	Динамика населения в 2010–18 гг., %
Эксклавы	3	48	3,3	64,8	-1,9	1,2
Северный Кавказ	7	144	9,8	49,8	8,1	4,2
Дальний Восток	10	210	8,0	73,2	1,5	-1,5
Арктическая зона	9	66	2,4	87,9	2,5	-3,1
Все приоритетные геостратегические территории страны	29	468	23,5	63,9	3,9	1,0
Россия в целом	85	2353	146,8	74,1	-0,01	1,2

Источник: рассчитано авторами по Базе данных «Муниципальная Россия».

Рис. 1. Приоритетные геостратегические территории России

Figure 1. Priority geostrategic territories of Russia

Источник: составлено авторами на картографической основе «Россия_векторная_карта». URL: <https://rpk-berega.ru/wp-content/uploads/2014/06/31.jpg> (дата обращения: 06.03.2020).

С учётом быстрого сокращения численности населения (фактически за 7 лет с момента проведения переписи населения в конце 2010 г. до начала 2018 г. почти на 0,5% в среднем за год) именно Арктическую зону России уместно рассматривать как территорию для принятия безотлагательных мер по ускорению социально-экономического развития. Частично это обстоятельство нашло отражение в Стратегии. Ясно, что среди геостратегических территорий в ближайшей перспективе значительный импульс развития получают приоритетные территории Арктической зоны. Связано это, прежде всего, с ростом перевозок по Северному морскому пути и освоением месторождений энергоресурсов Российской Арктики, в том числе шельфовых. В Стратегии указанные задачи сформулированы следующим образом: «За счёт обеспечения функционирования и роста грузопотока Северного морского пути как полноценного международного транспортного коридора, включая развитие ледокольного флота...»; «Сдвиг производств по добыче углеводородного сырья в малоосвоенные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока и акватории шельфов Дальневосточного и Арктического бассейнов...». Относительно МО это в первую очередь относится к МР Таймырскому (Дудинка, Диксон) в Красноярском крае и Булунскому (Тикси) в Республике Саха (Якутия), чукотским ГО Певек и Анадырь. В рамках реализации этих намерений в Певеке уже начала работать первая плавучая атомная электростанция, которая призвана обеспечить потребности не только существующей, но и перспективной портовой инфраструктуры.

Демографические проблемы групп приоритетных геостратегических территорий России

Специальные программы и структуры, направленные на ускоренное социально-экономическое развитие, существуют также для эксклавных регионов страны и субъектов Северо-Кавказского федерального округа. При этом, исходя из динамики численности населения, которая равна или лучше среднероссийской, основной упор в этом случае должен быть сделан именно на развитие экономики, приоритетным направлением в которой может стать туризм и курортное хозяйство. К тому же развитие этой сферы сможет существенно улучшить состояние социальной и транспортной инфраструктуры эксклавов и Северного Кавказа.

В таблице 2 показаны характеристики эксклавных приоритетных геостратегических территорий страны. Эта группа, по сравнению с другими группами приоритетных геостратегических территорий, включает в себя меньше всего субъектов Российской Федерации и МО, а также является относительно однородной по половозрастному и этническому составу жителей, что определяет близкие демографические характеристики населения этих территорий.

Таблица 2 (Table 2)

Характеристики эксклавных приоритетных геостратегических территорий России в 2018 г.

Characteristics of the exclave priority geostrategic territories of Russia in 2018

Эксклавные приоритетные геостратегические территории	Число МО	Население, тыс. чел.	Доля городского населения, %	Естественный прирост в 2016 г., %	Динамика населения в 2010–18 гг., %
Калининградская область	22	994,6	77,9	-0,1	6,1
Республика Крым	25	1913,0	50,9	-3,2	-2,6
Город Севастополь	1	432,7	92,9	-1,2	13,6
Все эксклавы России	48	3340,3	64,8	-1,9	1,2

Источник: рассчитано авторами по Базе данных «Муниципальная Россия».

Тем не менее, как показывают данные таблицы 2, вместе со сходствами, можно выделить и определённые особенности эксклавных регионов. Общими являются естественная убыль населения (что во многом связано со старой возрастной структурой жителей) и положительное сальдо миграций, которое можно объяснить, если сравнивать с большинством регионов страны, благоприятными природно-климатическими условиями и развитой инфраструктурой. Соотношение «отрицательный естественный прирост/положительное сальдо миграций» является типичным для большинства западных регионов европейской части России, к которым относятся и эксклавные территории.

Но итоговый результат динамики численности населения при одинаковой направленности демографических процессов оказывается различным. В Калининградской области и, особенно, в Севастополе, миграционный прирост значительно перекрывает естественную убыль населения, что обуславливает рост численности населения темпами, которые за период 2010–18 гг. в 5 и 11 раз соответственно превысили среднероссийские.

В Севастополе, как и в других МО России, где значительной частью жителей являются военнослужащие и члены их семей, динамика численности населения во многом связана с передислокацией воинских формирований. Но в Калининградской области прирост населения связан с интенсивным миграционным притоком «обычного гражданского» населения, в основном из других регионов России. В итоге здесь даже некоторые небольшие города отличаются очень быстрым ростом численности населения за рассматриваемый период, что для России является большой редкостью: ГО Гурьевский +26%, МР Светлогорский +20%, ГО Зеленоградский +12%, т. е. прирост 1,7% и более в среднем ежегодно за фактически 7 лет с момента проведения переписи населения в конце 2010 до начала 2018 гг.

В Республике Крым положительное сальдо миграций перекрывает естественную убыль населения только в некоторых МО, расположенных на южном «курортном» побережье полуострова: Судак +8%, Алушта

+4% и др. В большинстве МО, расположенных в степной аграрной части Крыма и удалённых от основных курортных центров, население сокращается не только за счёт естественной убыли (несмотря на преобладание сельского населения), но и за счёт миграционного оттока. В итоге и общая численность населения в регионе сокращается. Аналогичную территориальную дифференциацию демографических процессов можно наблюдать в соседнем Краснодарском крае. Но там общая численность региона населения растёт во многом за счёт административного центра Краснодара: +19% за указанный период, тогда как в административном центре Крыма – Симферополе – численность населения сокращается.

В целом эксклавные приоритетные геостратегические территории характеризуются за период 2010–18 гг. динамикой численности населения, которая соответствует среднероссийской (см. табл. 1). Но, чтобы её хотя бы сохранить, скорее всего потребуются принятие специальных мер по сокращению естественной убыли населения, чего в настоящее время не предусмотрено. Такие меры могли бы быть внесены отдельным (пятым) пунктом в перечень существующих направлений развития эксклавных территорий России. Сегодня, согласно Стратегии, основными направлениями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, характеризующимся эксклавным положением, являются: 1) обеспечение транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной безопасности; 2) обеспечение уровня жизни, сопоставимого (или выше) с уровнем жизни в Российской Федерации (для Калининградской области – сопоставимого (или выше) с уровнем жизни в приграничных странах Европейского Союза); 3) обеспечение темпов экономического роста, сопоставимых (или выше) с темпами экономического роста Российской Федерации (для Калининградской области – сопоставимого (или выше) с темпами экономического роста в приграничных странах Европейского Союза); 4) сохранение существующих особых режимов ведения предпринимательской деятельности.

Регионы Северного Кавказа имеют очень важное значение для обеспечения территориальной целостности и безопасности нашей страны. Они граничат с поясом низкой стабильности, которая уже много лет присуща Южному Кавказу [8]. В таблице 3 представлены характеристики приоритетных геостратегических территорий страны, расположенных на Северном Кавказе.

Доля сельского населения на Северном Кавказе составляет 51,2% (в среднем по Российской Федерации – 26,9%). Самый низкий уровень урбанизации населения – в Чеченской республике (34,8%). В основном отсюда и высокая рождаемость, характерная для сельской местности. Соответственно, регионы с наибольшей долей городского населения (Республика Северная Осетия–Алания с 64,2% и Ставропольский край с 58,4%) характеризуются относительно низким уровнем рождаемости и низкой или отрицательной динамикой численности населения.

Таблица 3 (Table 3)

Характеристики северокавказских приоритетных геостратегических территорий России в 2018 г.

Characteristics of the North Caucasian priority geostrategic territories of Russia in 2018

Приоритетные геостратегические территории Северного Кавказа	Число МО	Население, тыс. чел.	Доля городского населения, %	Естественный прирост в 2016 г., %	Динамика населения в 2010–18 гг., %
Республика Дагестан	51	3063,8	45,2	12,3	6,7
Республика Ингушетия	9	488,0	55,3	13,0	18,4
Кабардино-Балкарская Республика	13	865,8	52,1	5,4	0,7
Карачаево-Черкесская Республика	12	466,3	42,6	2,4	-1,6
Республика Северная Осетия–Алания	9	701,7	64,2	3,7	-1,4
Чеченская Республика	17	1436,9	34,8	16,6	14,9
Ставропольский край	33	2800,6	58,4	1,3	0,8
Весь Северный Кавказ	144	9824,1	49,8	8,1	4,2

Источник: рассчитано авторами по Базе данных «Муниципальная Россия».

Самые высокие показатели естественного прироста населения за период 2010–18 гг., как, впрочем, и в предыдущие периоды, наблюдались в Чеченской Республике, Ингушетии и Дагестане. Отрицательное сальдо миграционного движения населения в этих регионах было меньше естественного прироста, что в итоге привело к положительной динамике численности населения республик в целом.

В Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках положительный естественный прирост и отрицательное миграционное сальдо почти уравнивали друг друга, что привело к незначительным изменениям численности населения за изучаемый период.

Среди муниципальных образований лидером по увеличению численности населения на Северном Кавказе и по всей России является ГО Магас в Республике Ингушетия – к началу 2018 г. рост в 2,5 раза по сравнению со временем переписи 2010 г. Значительным ростом численности населения характеризуются также многие ГО Чеченской Республики и Дагестана за счёт сочетания значительного естественного прироста и миграционного притока населения из других МО соответствующих регионов. Например, в ГО Аргун Чеченской Республики с 2010 г. население выросло на 26,5%.

Сокращение численности населения характерно для большинства муниципалитетов Ставропольского края. Исключениями в этом регионе являются только административный центр Ставрополь, прилегающий к нему Шпаковский муниципальный район и некоторые ГО в составе городской агломерации Кавказские Минеральные Воды. Во всех слу-

чаях население росло в основном за счёт миграций как из других МО Ставропольского края, так и из других регионов России и зарубежных стран.

Миграционный отток населения из большинства регионов Северного Кавказа при современном уровне развития экономики можно считать скорее положительным, чем отрицательным явлением [1]. Но миграции носят в основном стихийный характер. Для управления миграционными процессами в Северо-Кавказском федеральном округе необходимы разработка и реализация специальных программ, предусматривающих комплекс административных и социально-экономических мер по количественной, качественной и пространственной регуляции миграционных потоков, а также обеспечение процесса взаимной адаптации мигрантов с Северного Кавказа и принимающего их населения России.

Основными направлениями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, расположенных на Северном Кавказе, согласно Стратегии, являются: 1) повышение доступности получения качественного образования на всех уровнях образовательного процесса, в том числе за счёт строительства и реконструкции объектов общеобразовательных организаций и создания в них новых мест; 2) содействие повышению мобильности трудовых ресурсов в целях снижения напряжённости на локальных рынках труда путём стимулирования привлечения трудовых ресурсов в субъекты Российской Федерации, являющиеся приоритетными; 3) создание системы управления в сфере туризма в Северо-Кавказском макрорегионе; 4) совершенствование существующих и создание новых институтов развития, в том числе особых режимов ведения предпринимательской деятельности; 5) содействие выявлению, сохранению и развитию традиционных народных промыслов; 6) содействие увеличению пассажиро- и грузооборота через морские порты и международные пункты пропуска через государственную границу РФ, расположенные в субъектах федерации и имеющие выход к Каспийскому бассейну, посредством расширения межгосударственного социально-экономического сотрудничества со странами, входящими в международный транспортный коридор «Север–Юг», а также развитие соответствующей портовой инфраструктуры, железнодорожных и автомобильных подходов к морским портам; 7) повышение эффективности энергоснабжения потребителей на территории субъектов Российской Федерации, расположенных на Северном Кавказе, в том числе за счёт модернизации сетей газо- и электроснабжения; 8) ликвидация проблем в сфере безопасности населения, проживающего на территориях, подверженных высокому риску возникновения чрезвычайных ситуаций природного характера.

В таблице 4 показаны характеристики приоритетных геостратегических территорий Дальнего Востока России без учёта дальневосточных МО, входящих в Арктическую зону страны.

Таблица 4 (Table 4)

**Характеристики дальневосточных приоритетных
геостратегических территорий России в 2018 г.**
Characteristics of the Far Eastern priority geostrategic territories of Russia in 2018

Приоритетные геостратегические территории Дальнего Востока	Число МО	Население, тыс. чел.	Доля городского населения, %	Естественный прирост в 2016 г., %	Динамика населения в 2010–18 гг., %
Республика Бурятия	23	984,5	59,0	5,2	1,3
Республика Саха (Якутия)	23	896,1	65,6	7,9	0,0
Забайкальский край	35	1072,8	68,2	2,3	-3,1
Камчатский край	14	315,6	78,2	1,3	-2,0
Приморский край	34	1913,0	77,2	-1,3	-2,2
Хабаровский край	19	1328,3	82,1	0,3	-1,2
Амурская область	29	798,4	67,4	-0,8	-3,8
Магаданская область	9	144,1	95,9	-0,2	-8,2
Сахалинская область	18	490,2	82,0	1,2	-1,6
Еврейская АО	6	162,0	68,8	-1,7	-8,3
Весь Дальний Восток	210	7992,3	73,2	1,5	-1,5

Источник: рассчитано авторами по Базе данных «Муниципальная Россия».

Составляющие динамики численности населения на Дальнем Востоке имеют показатели, противоположные по знаку общероссийским – население за 2010–18 гг. сократилось при положительном естественном приросте, тогда как по России в целом численность населения выросла при отрицательном естественном приросте. Различия связаны с преобладающими направлениями миграционных потоков населения – все дальневосточные субъекты Российской Федерации имеют устойчивое отрицательное сальдо миграций [9]. Положительное миграционное сальдо с зарубежными странами (в основном государствами СНГ), выросшее за 2010–17 гг. в 2,5 раза, не перекрывает отток населения в другие регионы России (в основном столичные и юго-западные) [4; 2].

Наиболее позитивной демографической динамикой является в Республике Бурятия. В этом регионе, наименее удалённом от главных социально-экономических центров остальной территории России, миграционный отток сравнительно невелик и был перекрыт естественным приростом, который связан не только с молодой возрастной структурой населения (как и в остальных регионах Дальнего Востока), но также максимальной в макрорегионе долей сельских жителей, среди которых преобладают буряты. В сумме эти два фактора (значительные доли сельского населения и жителей коренной национальности с традиционно высокими показателями рождаемости) и обеспечивают естественный прирост населения [3].

Похожая ситуация в Республике Саха (Якутия), где за период 2010–18 гг. численность населения практически не изменилась (без учёта МО региона, которые относятся к Арктической зоне Российской Федерации). Достигнуто это за счёт самого высокого на Дальнем Востоке естественного прироста населения, а также повышенных долей сельских жителей и населения коренной национальности. Но и отрицательное сальдо миграций населения этой территории было очень значительным, нивелировав естественный прирост.

Для Забайкальского, Камчатского и Хабаровского краёв, а также Сахалинской области характерен естественный прирост населения, но он перекрывается отрицательным сальдо миграций. Но наиболее негативная демографическая ситуация наблюдается в остальных регионах Дальнего Востока, где естественная убыль населения сочетается с отрицательным сальдо миграций. Лидирующую по темпам сокращения в 2002–10 гг. Магаданскую область в последние годы «обогнала» Еврейская АО, выделяющаяся на Дальнем Востоке не только интенсивным миграционным оттоком населения, но и самой значительной естественной убылью. При этом в этих двух регионах темпы сокращения численности населения в среднем за год превышают 1%, что может привести к их фактическому обезлюдению уже в среднесрочной перспективе [5].

Основными направлениями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, расположенных на Дальнем Востоке, согласно Стратегии, являются: 1) содействие социально-экономическому развитию города Владивостока как центра международного экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона; 2) создание условий и стимулов для сокращения миграционного оттока постоянного населения и привлечения специалистов из других субъектов Российской Федерации на территории, испытывающие дефицит трудовых ресурсов; 3) создание новых и развитие действующих территорий опережающего социально-экономического развития, совершенствование механизмов государственной поддержки предпринимательской деятельности, установленных законодательством Российской Федерации о свободном порте Владивосток и особой экономической зоне в Магаданской области; 4) создание на острове Русский инновационного научно-технологического центра, технопарка, уникальной научной установки класса «мегасайенс», инжиниринговых подразделений государственных корпораций и заинтересованных организаций, реализующих на территории Дальневосточного макрорегиона инвестиционные проекты, а также центров исследований и разработок; 5) совершенствование механизма социального развития центров экономического роста; 6) совершенствование механизма государственной инфраструктурной поддержки инвестиционных проектов, направленных на опережающее социально-экономическое развитие Дальнего Востока; 7) продление действия механизма выравнивания цен (тарифов) на электрическую энергию до среднероссийского уровня для отдельных потребителей электрической энергии Дальневосточного макрорегиона, реализация механизма долгосрочного регулирования

тарифов (цен) на электроснабжение, газоснабжение, водоснабжение и водоотведение; 8) создание инфраструктуры для развития территорий компактного расположения земельных участков, предоставляемых гражданам Российской Федерации в безвозмездное пользование, с учётом установленных законодательством РФ особенностей предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного макрорегиона («дальневосточных гектаров»).

Представляется, что этот перечень должен быть дополнен мерами по стимулированию рождаемости (например, введением «северных» коэффициентов при выплате «материнского капитала») и увеличению средней ожидаемой продолжительности жизни (в частности, за счёт улучшения территориальной доступности для населения медицинских учреждений первичного звена, которые в данном случае должны размещаться по нормативам, отличным от остальной территории страны); эти показатели в большинстве регионов Дальнего Востока значительно ниже среднероссийских.

В отличие от трёх других групп приоритетных стратегических территорий, Арктическая зона, как указывалось выше, представлена не только субъектами федерации, но и отдельными МО (см. табл. 5). Для более полной наглядности Арктическая зона РФ представлена на рис. 2.

Уместно отметить, что в Арктической зоне реализуются не только российские проекты, но и проекты, подготовленные по линии Арктического Совета (Arctic Council)¹ и Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации². Арктический Совет – межправительственный форум циркумполярных государств, действующий с 1996 г. Это основная организация сотрудничества в Арктике в сфере охраны окружающей среды и устойчивого развития региона. Совет образован странами «Арктической восьмёрки», в которую входят Россия, Канада, США, Дания, Финляндия, Норвегия, Исландия, Швеция.

Так как государства, формируя арктическую зону, ориентируются на уже сложившееся административно-территориальное деление, то в неё попадают и места, достаточно удалённые от Северного полярного круга. На рисунке 2 это обстоятельство хорошо видно на примере Ямало-Ненецкого и Чукотского АО, а также вновь включённых в Арктическую зону МО Якутии, о чём говорилось ранее. Такая практика выделения Арктической зоны характерна для циркумполярных государств. В Канаде в неё включены все так называемые Северные территории, уходящие далеко на юг от Северного полярного круга. В США к Арктической зоне отнесена не только вся Аляска, но и примыкающие к ней с юга острова.

¹ Arctic Council. URL: <https://arctic-council.org/ru/> [дата обращения: 20.02.2020].

² Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ). URL: <https://arctic-council.org/ru/about/permanent-participants/raipon/> [дата обращения: 20.02.2020].

Таблица 5 (Table 5)

**Характеристики арктических приоритетных
геостратегических территорий России в 2018 г.**

Characteristics of the Arctic priority geostrategic territories of Russia in 2018

Территории, составляющие Арктическую зону	Число		Насе- ление, тыс. чел.	Доля городского населения, %	Естест- венный прирост в 2016 г., %	Динамика населения в 2010–18 гг., %
	Полных субъек- тов РФ	МО				
Мурманская область	1	17	753,4	92,3	-0,3	-5,3
Республик Карелия (Беломорский, Кемский и Лоухский МР)	-	3	41,6	63,7	-6,7	-14,0
Архангельская область (МР Мезенский, Онежский, Приморский, ГО Архангельск, Новодвинск, Северодвинск, Новая Земля)	-	7	646,8	92,9	-0,5	-2,3
Ненецкий АО	1	2	44,0	72,8	9,6	4,5
Республика Коми (ГО Воркута)	-	1	77,3	99,4	0,9	-19,3
Ямало-Ненецкий АО	1	13	538,6	83,8	10,1	2,5
Красноярский край (МР Таймырский, ГО Норильск и Игарка)	-	3	216,6	90,0	7,7	-0,2
Республика Саха (Якутия) (МР Абыйский, Аллаихов-ский, Анабарский, Булун-ский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколым- ский, Оленёкский, Средне-колымский, Усть-Янский и Эвено- Бытантайский)	-	13	68,2	38,6	6,2	-7,8
Чукотский АО	1	7	47,9	72,7	3,6	-2,3
Арктическая зона России	4	66	2434,4	87,9	2,5	-3,1

Источник: рассчитано авторами по Базе данных «Муниципальная Россия».

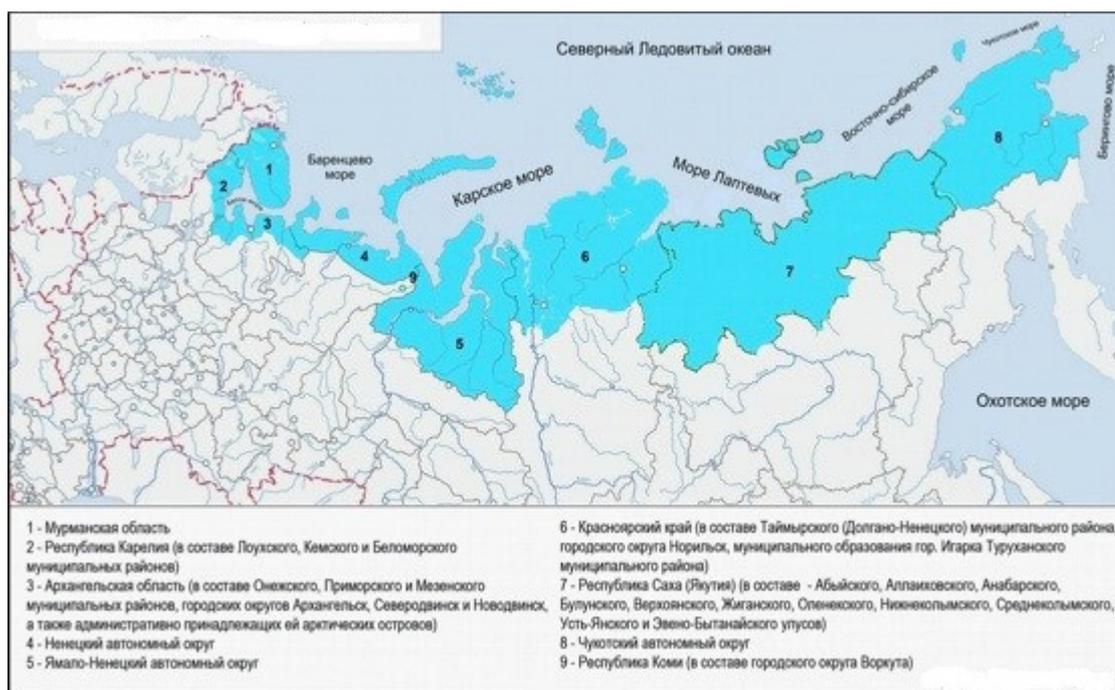

Рис 2. Арктическая зона Российской Федерации

Figure 2. Arctic zone of the Russian Federation

Источник: Лукин Ю. Ф., Ерёмин А. Э. Карта «Арктическая зона Российской Федерации». URL: <http://lawinrussia.ru/content/arkticheskaya-zona-rossiyskoy-federacii-azrf> (дата обращения: 26.03.2020).

Из данных таблицы 5 видно, что Арктическую зону составляют четыре полных субъекта Российской Федерации и ещё пять субъектов «делегируют» в нее 27 своих МО. В результате общее число МО, входящих в Арктическую зону, равно 66 единицам. Это больше, чем в группе эксклавов, но меньше, чем в двух других группах. В этой группе самая низкая численность населения (2,4 млн человек) и самый большой среди приоритетных геостратегических территорий удельный вес городского населения (87,9%). В наблюдаемый период в Арктической зоне наблюдались естественный прирост населения и сходная с Дальним Востоком (но в два раза значительнее) отрицательная динамика численности населения (-3,1%) за счёт интенсивного миграционного оттока жителей.

Рисунок 2 позволяет хорошо видеть, что, выделяя геостратегическую Арктическую зону, органы управления страной ставят вопрос о взятии под контроль и обустройство всей сухопутной береговой зоны России, прилегающей к Северному морскому пути. И это совершенно правильное решение. Открывая очередное «окно» в большой мир, необходимо думать о том, как мы будем его контролировать в новых местах входа и выхода (Архангельск, Бованенково, Бухта Проведения, Певек, а в перспективе – Амдерма, Диксон, Индига, Тикси и Усть-Кара).

При этом, в соответствии со Стратегией, основными направлениями социально-экономического развития приоритетных геостратегических территорий РФ, расположенных в пределах Арктической зоны, являются: 1) инфраструктурное обеспечение развития минерально-сырьевых центров; 2) модернизация и развитие морских портов, обеспе-

чивающих функционирование Северного морского пути; 3) содействие социально-экономическому развитию населённых пунктов, стратегически важных для развития Северного морского пути и хозяйственного освоения Арктики.

В целом выделение в Стратегии приоритетных геостратегических территорий следует признать одним из немногих действительно важных её достоинств. Практически все описанные выше геостратегические территории имеют растущее значение для безопасности и целостности страны. Это справедливо не только в отношении Крыма и Северного Кавказа, где ситуация, казалось бы, носит ситуативный (временный) характер. Это справедливо и в отношении Дальнего Востока, где уже много лет муссируется противостояние малочисленного русского населения и более чем 100 млн наших южных соседей в Китае, находящихся по другую сторону границы [12]. Тем не менее указанное положение вещей не мешает давно сложившемуся взаимодействию населения приграничных территорий [10]. Сходные мнения существуют и в отношении Калининградской области, о которой много говорят в соседней Польше¹, и даже для Арктической зоны, которую пока ещё оберегает тяжёлая ледовая обстановка: «Вашингтон считает, что Северный морской путь должен находиться под международным контролем»².

Демографическое и социально-экономическое развитие этих территорий требует долгосрочного государственного планирования и контроля происходящих перемен [6; 7]. Нельзя допускать обезлюдения геостратегических территорий, равно как и нельзя допускать формирования в них моногородов. В первую очередь это касается Арктической зоны и Дальнего Востока. Положение дел в Воркуте, Магадане, Певеке и других «горячих точках» северных территорий, в которых реализуется программа переселения из районов Крайнего Севера³, и сегодня оказывает заметное влияние на демографическое поведение населения.

Появление моногородов представляет собой рецидив отраслевого управления в экономике, который обусловлен стремлением к максимуму эффекта при минимуме затрат в данный момент времени. Решая подобные задачи, управленцы одновременно делают свою карьеру и ею же отвечают. При этом долговременные последствия таких решений, как правило, волнуют только тех, кто отстранён от их принятия. Самый

¹ Siegień P. Koronawirus odcina obwód kaliningradzki. GazetaWyborcza 2020, 17 marca. URL: <https://wyborcza.pl/7,75399,25796237,koronawirus-odcina-obwod-kaliningradzki.html?disableRedirects=true> (дата обращения: 20.02.2020).

² Широкопад А. Зачем Трамп рвется в Русскую Арктику // Независимая газета. Независимое военное обозрение. 08.02.2019. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2019-02-08/13_1033_arctic.html (дата обращения: 20.02.2020).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.03.2006 N 153 (ред. от 15.11.2019) «Об утверждении Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации ведомственной целевой программы «Оказание государственной поддержки гражданам в обеспечении жильем и оплате жилищно-коммунальных услуг» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59164/ (дата обращения: 05.04.2020).

общий вывод из этого исторического опыта, в том числе и для Стратегии пространственного развития, – нельзя отраслям и компаниям доверять бесконтрольно формировать города [11]. Отвечать за это всегда приходится государству, а все негативные последствия такой политики ложатся на плечи простых людей, которые попадают в подобные ловушки в поисках самореализации и лучшей жизни.

Указанное обстоятельство обусловлено тем, что градообразующая база, создаваемая производственным предприятием, в действительности является не чем иным, как крышей над головой работников, обеспечивающей им доступность мест труда. Между градообразующей базой и запуском механизма, позволяющего городу развиваться на далёкую перспективу, лежит дистанция огромного размера. И запустить этот механизм могут только сами горожане, объединённые в городские сообщества, опирающиеся на местную и центральную власть. В этом плане хорошим ориентиром может служить ESDP – Европейская перспектива пространственного развития¹, направленная на сбалансированное устойчивое развитие территории ЕС.

Библиографический список

1. Адиев А. З. Влияние внутренней и внешней миграции на демографию, экономику и межэтнические отношения в Республике Дагестан // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 137–152. DOI: [10.19181/vis.2020.11.1.630](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.630)
2. Мотрич Е. Л. Демографическое развитие Хабаровского края: проблемы и перспективы // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 30–46. DOI: [10.24411/1561-7785-2019-00025](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00025)
3. Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. 2019. Муниципальные образования России со стабильной численностью населения // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 47–65. DOI: [10.24411/1561-7785-2019-00026](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00026)
4. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 4–14. DOI: [10.24411/1561-7785-2019-00023](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00023)
5. Симагин Ю. А., Пациорковский В. В., Муртузалиева Д. Д. Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 36–49. DOI: [10.24411/1561-7785-2018-21-4-04](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2018-21-4-04)
6. Desmet K., Rossi-Hansberg E. Spatial Development // American Economic Review. 2014. Vol. 104(4). P. 1211–1243. DOI: [10.1257/aer.104.4.1211](https://doi.org/10.1257/aer.104.4.1211)

¹ ESDP. European Spatial Development Perspective. Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the EU. European Communities. Luxembourg. Office for Official Publications of the European Communities. 1999. 83 p.

7. Fajgelbaum P. D., Gaubert C. Optimal Spatial Policies. *Geography and Sorting* // *The Quarterly Journal of Economics*. 2020. Vol. 135(2). P. 959–1036. DOI: 10.1093/qje/qjaa001
8. Iskandaryan A., Ismayilov M., Cecire M. Russia's Relations with the South Caucasus // *Caucasus Analytical Digest (CAD)*. 2019. No. 109. P. 2–14.
9. Motrich E. L. Far East in Russian demography: trends during reform // *Spatial Economics*. 2017. Vol. 3. P. 133–153.
10. Patsiorkovsky V., Fugita S., O'Brien D. Asians in Small Business in the Russian Far East: A Historical Overview and Comparison with Asians on the American West Coast // *International Migration Review*. 1995. Vol. 29, Summer. P. 566–575.
11. Spaliviero M., Boerboom L., Gibert M., Spaliviero G. & Bajaj M. The Spatial Development Framework to facilitate urban management in countries with weak planning systems // *International Planning Studies*. 2019. Vol. 24(3-4). P. 235–254. DOI: 10.1080/13563475.2019.1658571
12. Tornoveanu D. Russia, China and the Far East Question. Are there any Chinese 49ers around? // *The Diplomat*. 2016. January 20. URL: <https://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/> (дата обращения: 20.02.2020).

Статья поступила 28.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пацюрковский Валерий Валентинович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Симагин Юрий Алексеевич, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Муртузалиева Джамиля Джавидовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.718

Population Dynamics of Priority Geostrategic Territories of Russia in 2010–2018

Valery V. Patsiorkovsky

Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: patsv41@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8847-4598

Web of Science ResearcherId: F-6722-2016

Yury A. Simagin

Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: patsv41@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8392-8645

Djamilya D. Murtuzalieva

Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: djama76@list.ru;

ORCID ID: 0000-0003-3263-3032

For citation: Patsiorkovsky V. V., Simagin Y. A., Murtuzalieva D. D. Population dynamics of priority geostrategic Territories of Russia in 2010–2018. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 123–142. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.718

Abstract. The article presents an analysis of the dynamics of the population of the priority geostrategic territories of the Russian Federation. They are highlighted in the “Strategy for the Spatial Development of the Russian Federation until 2025” as territories that are of particular importance for the development of the country as a whole and are distinguished at the same time by special life conditions and the functioning of the economy due to their geographical location. Population dynamics for such territories is both a factor determining socio-economic development and an indicator of the effectiveness of this development. The components of the population dynamics – natural growth and migration flows – are of particular importance. The article describes all four groups of priority geostrategic territories of Russia – isolated from the main territory of the country (exclaves), located in the North Caucasus and the Far East, in the Arctic zone of the Russian Federation. For each group, trends in population dynamics have been identified since the 2010 census, taking into account the components of natural growth and migration. The multidirectional aspect of the main demographic processes in the priority geostrategic territories of the country is revealed – natural growth is combined with the migration outflow of the population, and the migration inflow – with natural decline. At the same time, in the exclave and North Caucasian territories, the population is growing, and in the Far Eastern and Arctic territories it is decreasing. The features of both groups of priority geostrategic territories in comparison with Russia as a whole and of individual constituent entities of the Russian Federation and municipalities within groups of territories are shown. The latter became possible due to the use of the database “Municipal Russia”, that summarises demographic statistics for all urban districts and municipal areas of the country, including those located in priority geostrategic territories. As a result of the analysis of the population dynamics, directions have been identified that can lead to an improvement in the demographic situation in the priority geostrategic territories of the country, and, accordingly, will contribute to the socio-economic development of not only these territories, but the entire Russian Federation

Keywords: priority geostrategic territories, population dynamics, migration and natural movement of the population, exclaves, the North Caucasus, the Far East, the Arctic zone of Russia

References

1. Adiev A. Z. The impact of internal and external migration on demography, economy and interethnic relations in the Republic of Dagestan. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2020: 1(11): 111–134. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.630 (in Russ.)
2. Motrich E. L. Demographic development of Khabarovsk krai: problems and prospects. *Narodonaselenie*, 2019: 3:30–46. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00025 (in Russ.)
3. Patsiorkovsky V. V., Simagin Yu. A., Murtuzalieva D. D. Russian municipalities with a stable population. *Narodonaselenie*, 2019: 3: 47–65. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00026 (in Russ.)
4. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Migration situation in the Far East of Russia at the beginning of the 21st century and migration relations of its regions. *Narodonaselenie*, 2019: 3: 4–14. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023 (in Russ.)
5. Simagin Yu. A., Patsiorkovsky V. V., Murtuzalieva D. D. Differentiation of natural population growth in Russian municipalities. *Narodonaselenie*, 2018: 4: 36–49. DOI: 10.24411/1561-7785-2018-21-4-04 (in Russ.)
6. Desmet K., Rossi-Hansberg E. Spatial Development. *American Economic Review*, 2014: 4: 1211–1243. DOI: [10.1257/aer.104.4.1211](https://doi.org/10.1257/aer.104.4.1211)
7. Fajgelbaum P. D., Gaubert C. Optimal Spatial Policies. *Geography and Sorting. The Quarterly Journal of Economics*, 2020: 2: 959–1036. DOI: 10.1093/qje/qjaa001
8. Iskandaryan A., Ismayilov M., Cecire M. 2019. Russia’s Relations with the South Caucasus. *Caucasus Analytical Digest (CAD)*, 2019: 109: 2–14.
9. Motrich E. L. 2017. Far East in Russian demography: trends during reform. *Spatial Economics*, 2017: 3: 133–153.

10. Patsiorkovsky V., Fugita S., O'Brien D. Asians in Small Business in the Russian Far East: A Historical Overview and Comparison with Asians on the American West Coast. *International Migration Review*, 1995: 29: 566–575.

11. Spaliviero M., Boerboom L., Gibert M., Spaliviero G., Bajaj M. The Spatial Development Framework to facilitate urban management in countries with weak planning systems. *International Planning Studies*, 2019: 24(3-4): 235–254. DOI: 10.1080/13563475.2019.1658571

12. Tornoveanu D. Russia, China and the Far East Question. Are there any Chinese 49ers around? *The Diplomat*. 20 January 2016. Accessed: 20.02.2020. Available at: <https://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/>.

The article was submitted on: April 28.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery V. Patsiorkovsky, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia
Yury A. Simagin, Candidate of Geographic Sciences, Docent, Leading researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia
Djamilya D. Murtuzalieva, Candidate of Economic Sciences, Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia